

ПЕТР I И ПРОИСХОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА *

Происхождение российского абсолютизма является дискуссионной проблемой российской истории. Ранее большинство историков полагало, что абсолютизм постепенно развивался в XVII в., но недавние работы А. Г. Манькова и П. В. Седова показали несостоятельность традиционной точки зрения. Существуют разногласия также и в вопросе о причинах окончательной победы абсолютизма при Петре I. Автор статьи видит решение проблемы в использовании теории военной революции. Согласно этой теории появление вооруженной огнестрельным оружием регулярной армии изменяет баланс сил между монархией и аристократией. Создание регулярной армии требует значительных финансовых средств, и монархия стремится отнять часть средств у аристократии. Это приводит к конфликту, который разрешается посредством «революций сверху» и абсолютистских государственных переворотов. Именно такой абсолютистский переворот совершил Петр I в 1698 г.

Ключевые слова: раннее Новое время, военная революция, абсолютизм, Петр I, Боярская дума, государственный переворот.

Вопрос о происхождении российского абсолютизма является дискуссионной темой отечественной историографии. Общеизвестно, что избранный на престол Земским собором Михаил Романов не был абсолютным монархом; его власть была ограничена Боярской думой и Земским собором. Столь же очевидно, что столетие спустя, при Петре I, власть монарха была абсолютной и неограниченной. Но когда, каким образом и почему произошел переход к абсолютной монархии?

Проблема осложняется ввиду частого использования историками достаточно неопределенного термина «самодержавие». Классики исторической науки, такие как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский, не ставили вопрос о различии в понятиях «самодержавие» и «абсолютизм». Точнее, Соловьев вовсе не использовал термины «абсолютизм» и «абсолютная власть»; для него все цари одинаково были «самодержцами» и даже царевна Софья была «самодержицей». Ключевский также почти не использует термин «абсолютизм», но вот «самодержцы» у него разные. «Сын и преемник царя, пользовавшегося ограниченной властью, но

сам вполне самодержавный властелин», – так характеризует Ключевский царя Алексея Михайловича [1937. Т. 3. С. 347]. При этом, однако, историк отмечает, что Алексей «при своем самодержавии уступал широкое участие в управлении» боярам [Там же. С. 348]. В отличие от «тишайшего» царя Алексея, Петр I своих функций боярам не уступал, он характеризуется как «самодержец, не знавший границ своей власти» [Там же. С. 108].

Уже это простое сопоставление характеристик правителей показывает, что самодержавие может быть разным, и специалистам приходится говорить об эволюции самодержавия. Действительно, в последней работе Г. В. Талиной самодержавие – это некая меняющаяся субстанция, которая с середины XVII в. эволюционирует по направлению к абсолютизму [2010. С. 8, 404]. Но откуда происходит эта эволюция, от какой первой ступени?

На эту первую ступень эволюции указал в свое время Н. П. Павлов-Сильванский. Согласно детально аргументированной концепции Павлова-Сильванского, Россия середины XVII в. была обычной сословной

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

монархией европейского типа. Как и в других европейских государствах, в России имелись достаточно четко выраженные сословия: сильная аристократия, многочисленное дворянство, горожане и крестьяне. Земский собор, по мнению Павлова-Сильванского, был учреждением, однотипным западным сословным учреждениям, а Московское государство по своей структуре одинаково

с западноевропейскими сословными монархиями [1924. С. 134, 147]. «Самодержавие первых Романовых не было “самовластием”, – писал Н. П. Павлов-Сильванский, – оно фактически было связано силой сословий... а также сильным тогда еще консерватизмом обычного права. Царь должен был править по старине в согласии с Боярской думой...» [Там же. С. 155]

Конечно, при этом возникает вопрос: что такое «самодержавие» без «самовластия»? Привычный термин «самодержавие» теряет смысл, и становится понятно, что реальностью первой половины XVII в. было не самодержавие, а сословно-представительная монархия. Причем эта монархия была не только не самодержавной, но и ненаследственной. «После смерти Грозного наследственная монархия в России сменилась избирательной, – писал Л. В. Черепнин. – Все последующие цари до Алексея Михайловича избирались Земским собором или добивались трона при его фиктивном участии. Алексей Михайлович занял престол как прямой его наследник, но затем, по видимому, был утвержден Земским собором» [1978. С. 345]. П. П. Смирнов отмечал, что обычаем было «отнюдь не наследование, а избрание царя Земским собором, что практиковалось со времен смерти Ивана Грозного; такой порядок подсказывался и примером весьма авторитетного для Руси XVII в. соседнего Польско-Литовского государства» [1929. С. 13]. Московское государство брало пример с Речи Посполитой, которая была наиболее мощной державой Восточной Европы. В частности, это нашло свое выражение в составлении Уложения 1649 г.: в его основу был положен Литовский статут. Общая структура и целые главы Уложения были заимствованы из законов Литвы [Маньков, 1980. С. 16–17].

Большинство советских историков придерживалось концепции Н. П. Павлова-Сильванского, т. е. концепции московской со-

словной монархии. В официальном издании «Очерки истории СССР» К. В. Базилевич, С. К. Богоявленский и Н. С. Чаев писали, что в первой половине XVII в. продолжалось развитие сословно-представительной монархии, причем земские соборы достигли своего расцвета: «Во второй половине столетия земские соборы отмирают, и начинается переход к абсолютной монархии. Однако для установления абсолютизма необходима была ликвидация политического влияния не только земских соборов, но и Боярской думы, которая в период сословно-представительной монархии в известной мере разделяла власть с царем» [Базилевич и др., 1955. С. 350].

В ходе дискуссии, состоявшейся в 1968–1971 гг., советские историки пытались понять механизм возникновения абсолютизма в России. Однако марксистское определение абсолютизма, как власти, опирающейся на равновесие дворянства и буржуазии, сделало эти попытки непродуктивными: в России того времени, очевидно, не существовало буржуазного класса. А. Я. Аврех комментировал эту ситуацию таким образом: «Доказывать, что Иван Грозный был ограниченным монархом, значит ставить под удар свою научную репутацию. Признать же его абсолютным монархом, поскольку он был неограниченным, еще хуже – значит, скомпрометировать идею равновесия» [1968. С. 85]. В поисках выхода из этой ситуации М. П. Павлова-Сильванская предложила отказаться от использования термина «абсолютизм» и считать русское самодержавие восточной деспотией [1968. С. 83].

В конце XX в. ситуация не прояснилась. Е. В. Анисимов писал: «Дискуссия 1960-х – начала 1970-х гг. показала бессмысленность научного экстраполирования на русскую почву тех форм государственной власти, которая сложилась в Западной Европе и традиционно называется абсолютной. В России конца XVII – начала XVIII в. не было ни “сословий”, ни “абсолютизма”, а были “служилые люди” и было самодержавие, и знак равенства между этими понятиями ставить невозможно» [1997. С. 270]. Таким образом, часть российских историков отказалась от концепции абсолютизма, вернувшись к неопределенному понятию «самодержавие». Однако многие историки остались на традиционной позиции. Так, А. Н. Медушевский в работе, посвященной

созданию административных институтов петровской монархии, указывает на сходство этих институтов с бюрократическими учреждениями других абсолютных монархий, в частности, Швеции и Дании [1994].

Отсутствие единого подхода сказалось и в наиболее популярном учебнике для студентов-историков, изданном Московским университетом. В первом томе этого учебника говорится, что «Россия в XVII в. была унитарным государством с формой правления в виде сословно-представительной монархии», что никакого абсолютизма в тот период не было и «речь идет не об утверждении новой формы монархии, а об определенных абсолютистских тенденциях в ее эволюции, получившей завершение в петровскую эпоху» [История России, 2009. С. 605]. А во втором томе при описании петровской эпохи о «завершении эволюции» и утверждении абсолютизма нет ни слова, и сам термин «абсолютизм» встречается лишь два раза в совершенно случайном контексте [История России, 2010. С. 78, 79].

Последнее и наиболее подробное исследование эволюции российской государственности в XVII – первой четверти XVIII в. принадлежит Г. В. Талиной [2010]. Она избегает говорить о сословно-представительной монархии, но не отказывается от понятия «абсолютизм» и утверждает, что самодержавие развивалось в направлении установления абсолютизма, что при Петре I было построено абсолютистское государство. Несомненно, новое заключается в том, что Г. В. Талина ищет объяснение утверждения абсолютизма в России в теории военной революции, «согласно которой в основе становления абсолютистской формы правления в европейских странах лежит переход к регулярной армии» [Там же. С. 338].

В принципе еще Н. П. Павлов-Сильванский писал, что «с образованием сильного регулярного войска центральная власть усиливается у нас, как и на западе, и московское патриархальное самодержавие превращается в императорский абсолютизм» [1924. С. 155]. Однако конкретный механизм этой трансформации был показан лишь много десятилетий спустя в работах Майкла Робертса и Брайана Даунинга [Roberts, 1967; Downing, 1992]. Теория военной революции утверждала, что причиной социально-политической трансформации государств являлись революционные изме-

нения в военных технологиях. Для Средних веков было характерно военное преобладание рыцарской кавалерии; рыцарь, который был господином на поле боя, был господином и в обыденной жизни – это породило сеньориальную систему и феодализм [White, 1962]. Появление огнестрельного оружия привело к закату эпохи рыцарской кавалерии; дворяне-рыцари утратили свое военное превосходство, что означало неизбежное крушение феодального режима. В середине XVI в. на поле боя господствовали массы пехоты, организованные в батальоны: по периметру батальона стояли мушкетеры, а внутри – пикинеры. В XVII в. появление оснащенной штыком фузеи привело к созданию линейной тактики. На смену анархичным рыцарям пришла сложная военная машина, где все зависело от слаженности и дисциплины. «Строгая дисциплина и механическая тренировка, требуемые новой... тактикой, согласовывались с тенденцией эпохи к абсолютизму, – отмечал Робертс. – Она наводила на мысль, что дисциплина, дающая успех в бою, могла дать положительные результаты в применении к гражданскому обществу. Правитель все более и более ассоциировался с главнокомандующим, и из новой дисциплины и обучения рождалось не только самодержавие, но тот особый тип монарха, который предпочитал называть себя *Kriegsherr*» [Roberts, 1967. P. 206].

Механизм перехода к абсолютизму на примере некоторых европейских государств был проанализирован в известной работе Брайана Даунинга [Downing, 1992]. Создание новой армии требовало больших финансовых затрат и введения новых налогов, что вызывало сопротивление сословных собраний, парламентов и штатов. Дворянство, господствовавшее в этих собраниях, понимало, что оно теряет не только доходы, но и лишается своей военной опоры, рыцарского ополчения. Однако дворяне-рыцари ничего не могли противопоставить новой военной силе, и итогом «военной революции» было становление режима, который Брайан Даунинг назвал «военно-бюрократическим абсолютизмом» [Ibid. P. 11, 74–78]. «Я определяю военно-бюрократический абсолютизм как высоко бюрократизированное и военизированное централизованное государство, – указывает Даунинг. – Этим государством управляют без парламента, уничто-

жив его или обходя его прерогативы. Военно-бюрократический абсолютизм берет под контроль большинство местных центров власти, и управляет экономикой с целью поддержания большой и растущей армии. Основные социальные классы вынуждены покориться, или, чаще, примиряются с абсолютизмом, получая доходы от государственной и военной службы. Военно-бюрократический абсолютизм стоит выше закона; государственный интерес превалирует над строгим соблюдением законодательства» [Downing, 1992. P. 11].

Из приведенного отрывка следует, что Даунинг рассматривал два варианта взаимоотношений элиты и монарха: подчинение и сотрудничество, причем сотрудничество было более распространенным вариантом. После первоначального столкновения стороны, как правило, приходили к компромиссу, и в дальнейшем монарх старался учитывать интересы элиты. Вот, например, в Пруссии: «Несмотря на преобладание государственной власти, имелись политические ограничения, особенно на местном уровне. Государство полагалось на дворянство и допускало его к местному управлению, в то время как контроль над налогообложением и армией оставался в руках правительства. Абсолютизм никогда не был абсолютным» [Ibid. P. 92].

Этот последний тезис – «абсолютизм никогда не был абсолютным» – был акцентирован в известной работе Николаса Хеншелла, который заявил, что «абсолютизм – это миф». В реальности, утверждал Хеншелл, «абсолютные» монархи на неформальном уровне делились властью с элитой либо в интересах сотрудничества делали ей уступки. «Консенсус между монархами и правящей элитой был основой всех политических режимов Средневековья и раннего Нового времени», – утверждает Хеншелл [2003. С. 11]. Это, конечно, слишком категорическое утверждение, чтобы быть справедливым *всегда* – тем более, на соседней странице Хеншелл признает, что, например, в Швеции «дворянство стало жертвой абсолютизма» [Там же. С. 10].

Помимо Швеции, можно привести в пример Данию. Датская «революция» 1660 г. привела к утрате дворянством большей части привилегий и принятию «конституции», которая провозглашала неограниченный характер королевской власти [A Revo-

lution..., 2000. P. 97]. Скандинавские историки находят много общего в развитии Дании и Швеции и называют государства этого типа «*maktstat*» («могущественное государство»), но иногда пользуются обычным термином «абсолютизм» [Ibid. P. 27]. Таким образом, «настоящий» «военно-бюрократический абсолютизм», в котором «социальные классы вынуждены покориться» все-таки, существовал – хотя и был довольно редким и временным явлением.

В большинстве случаев – как показывают исследования современных историков – тезис Хеншелла о консенсусе между монархами и элитой оказывается справедливым. Более того, нужно признать, что в некоторых случаях ширма «абсолютизма» скрывала реальную власть элиты. История России дает много примеров такого рода: Екатерина I, Елизавета Петровна, Екатерина II, Александр I получили престол благодаря дворянской гвардии и были вынуждены считаться с мнением дворянства.

Формула «абсолютизм никогда не был абсолютным» лишает смысла понятие «абсолютизм», поэтому многие историки стали оказывать предпочтение созданной Джоном Бревером модели «фискально-военного государства» [Brewer, 1989]. Эта модель исходит из того, что военная революция порождает необходимость создания регулярной армии, увеличение налогов, централизацию и бюрократизацию – но не абсолютную власть монархов, а сотрудничество между монархом и элитой. Как показали Честер Даннинг и Норман Смит, это понятие вполне приложимо к России XVII в. [Dunning, Smith, 2006].

Действительно, правление Алексея Михайловича дает яркий пример, когда создание новой армии, рост налогов и централизация проходили в обстановке сотрудничества царя и Боярской думы. А. Г. Маньков писал, что «Боярская дума еще прочно держала в своих руках во второй половине XVII в. важнейшие рычаги феодальной экономики и социальных отношений» [1998. С. 31]. Сопоставление царских именных указов и указов с боярскими приговорами показывает, что едва ли не все крупные законодательные акты начинались словами «царь указал, и бояре приговорили». Именные царские указы относились к более мелким вопросам, и,

по большей части, к военной сфере [Седов, 2006. С. 13].

Принято считать, что, в отличие от европейских сословных монархий, в России отношения между сословиями и монархом не были кодифицированы и определялись главным образом традицией [Бушкович, 2008. С. 34; Ключевский, 1937. С. 221]. «Практика осуществления властных функций была такова, что царь действовал в рамках сложившейся традиции», – констатирует П. В. Седов [2006. С. 51]. «Скрепленные традицией отношения между монархом и знатью позволяли достигать соглашения о разделе прибавочного продукта и эксплуатации населения», – уточняет Д. Островский [Ostrowski, 2002. P. 542]. Однако в рамках традиции существовали также и отдельные документы, регулировавшие правовые отношения в структурах власти. Сохранились сведения о том, что Василий Шуйский дал так называемую «крестоцеловальную запись» – это был документ наподобие скандинавских «королевских обещаний» и «уставов вступления» [Козляков, 2007]. Дьяк Григорий Котошихин писал, что «прежние цари, после царя Ивана Васильевича, избирались на царство, и с них брали “письма”: без суда никого не казнить, советоваться о всех делах с боярами и без совета тайно никаких дел не делать» [1859. С. 105]. Помимо этих «писем» существовали законодательные ограничения. Указание на то, что царь должен советоваться с боярами, имеется и в Уложении 1649 г.: вторая статья десятой главы Уложения («О суде») говорит, что «спорные дела... вносить ис приказов в доклад к государю... и к его государевым бояром и околничим и думным людем. А бояром и околничим и думным людем сидети в полате и... государевы всякия дела делати всем вьместе». Комментируя эту статью, П. В. Седов указывает, что она «не разграничивала судебную деятельность царя и Думы, что неизбежно означало неразделенность и важнейших управленческих функций, поскольку в средневековой Руси, как известно, судить значило управлять, и наоборот» [2006. С. 13]. Нерасчлененность управленческих функций, необходимость управлять вместе с Думой, неизбежно ограничивала единоличную власть царя.

Исследования А. Г. Манькова и П. В. Седова поднимают важный вопрос о динамике отношений между монархом и боярской

элитой. Если для правления Алексея Михайловича были характерны укрепление царской власти и та тенденция к абсолютизму, о которой по-прежнему говорят многие историки, то затем все изменилось. «Подъем законодательной активности Думы с конца 1670-х гг. вступил в определенное противоречие с объективным процессом постепенного перехода от сословно-представительной монархии к абсолютизму», – констатирует А. Г. Маньков [1998. С. 31]. П. В. Седов предпочитает не упоминать об «объективном процессе», а просто констатирует, что «на протяжении XVII в. боярство не “исчезало” и не “растворялось”, а, наоборот, набирало силу» [2006. С. 7].

Итак, в конце XVII в., в начале правления Петра I, мы не наблюдаем никаких признаков установления абсолютизма. Встает вопрос: а был ли Петр Великий абсолютным монархом в конце своего правления? До последних дней абсолютный характер власти Петра I был для российских историков чем-то очевидным, не требующим доказательств. Однако Дональд Островский утверждает, что это не так. Главный аргумент Островского состоит в том, что «Петр начал обширные административные реформы, но он не устанавливал систему, где продвижение определялось заслугами (меритократию), как утверждалось. Возможно, у него были намерения создать работоспособное чиновничество, но продвижение в табели о рангах должна было происходить «по старшинству» (по старшинству времени), а не по заслугам» [Ostrowski, 2002. P. 545].

Однако это неверно. В месте, на которое ссылается Островский [ПСЗ-I, 1830. Т. 6. С. 486], речь идет лишь о том, что чиновники, принадлежащие к одному классу, имеют старшинство между собой соответственно времени вступления в чин. В других же пунктах табели четко выражен приоритет заслуг: «Мы никому никого ранга не даем, пока они нам и отечеству никаких услуг не покажут» (п. 8) [Там же. С. 460], и «кто важные услуги продемонстрирует, те могут за свои труды производиться в более высокий ранг» (п. 14) [Там же. С. 492]. Но это не главное. Существует огромное количество свидетельств о том, что император Петр Великий обладал неограниченной властью и пользовался ей, не считаясь с интересами элиты. Для нас наиболее важны свидетельства отсутствия того «консенсуса между

монархами и правящей элитой», о котором говорит Хеншелл. Как известно, Петр заставлял дворян служить в солдатах. В 1703 г. многие дворяне не явились к сроку в стоявший в Пскове корпус Б. П. Шереметева. У «нетчиков» были отобраны поместья и вотчины – причем эти конфискации приобрели массовый характер; за время войны было конфисковано в общей сложности около 3 тысяч поместий [Тихонов, 1974. С. 61]. По свидетельству датского посла Грунда, в 1708 г. «князья и бояре» были до крайности недовольны тем, что Петр «забирал их сыновей в армию рядовыми или посылал в Англию и Голландию служить в матросах» [Бушкович, 2008. С. 287]. О том же писали бывший воспитатель царевича Алексея Нойгебауэр в 1705–1706 гг., французский агент Гроффей в 1707 г. и имперский посол Плейр в 1717 г. [Там же. С. 263, 265, 372].

Начиная службу в армии рядовыми, дворяне уравнивались в положении с крепостными рекрутами. Полвека спустя князь М. М. Щербатов с возмущением писал, что «вместе с холопами... писали на одной степени их господ в солдаты, и сии первые по выслугам... доходя до офицерских чинов, учинялись начальниками господам своим и бивали их палками» [О повреждении..., 1983. С. 27].

Поскольку служба стала постоянной, то расходы дворян значительно возросли. Между тем помещичьи крестьяне, которые прежде платили в казну в 8 раз меньше [Ключевский, 1937. Т. 3. С. 248], чем государственные крестьяне, теперь были обложены чрезвычайными налогами, а потом подушной податью. Страдавшие от тяжелых налогов крестьяне часто не могли платить оброки своим помещикам. «Если добавить к этим трудностям тяжелые контрибуции (чрезвычайные налоги. – С. Н.) и другие невзгоды, то русский дворянин теперь не имеет и двадцатой доли того, чем владел до начала войны», – свидетельствует Ларс Эренмальм [1991. С. 95]. Петр не отнимал дворянские земли, как это сделал Карл XI в Швеции, но подобно Фредерику III Датскому он резко увеличил налоги на помещичьих крестьян, что означало сокращение налоговых привилегий для вотчинно-поместного землевладения. Царь оставил дворянам право на крестьянские оброки, однако за сохранение этих привилегий дворяне

должны были нести постоянную военную службу, начиная с самых низших должностей.

Таким образом, Петр I находился в постоянном конфликте со своим дворянством, и его государство было подобно скандинавскому «maktstat». Однако в начале своего правления Петр не был абсолютным монархом. Когда же произошел переход к абсолютизму?

Рассмотрим подробнее ситуацию 1698 г., когда Петр, узнав о бунте стрельцов, вернулся в Россию. Царь был уверен, что мятеж стрельцов был частью боярского заговора, который возглавляли тайные сторонники Милославских. «Я царствую не над людьми, а над собаками и неразумными скотами, – говорил он австрийскому послу Гвариенту. – И что еще больше печалит мой ум, я должен теперь прямо признать, что долгое время они не только старались меня погубить, но и против меня (кроме двоих или троих) лелеют дух измены...» [Бушкович, 2008. С. 209]. Дядя Петра Л. К. Нарышкин посоветовал ему не щадить своих врагов. «Царь сказал: “Ей богу, так и будет и очень скоро будет сделано в точности так, как ты советуешь”. Теперь большинство ежечасно ждет с содроганием сердца, когда будет объявлено принятое решение об этом», – так заканчивает Гвариент свое донесение в Вену [Там же].

Чтобы найти вождей заговора, Петр приказал заново расследовать обстоятельства стрельцкого мятежа; он сам участвовал в пытках стрельцов – но не нашел свидетельств против бояр. Двадцать третьего октября Корб стал свидетелем спора царя с боярами, когда «не щадили ни слов, ни рук», т. е. разъяренный царь дошел до рукоприкладства [Корб, 1906. С. 100]. Подробности этого спора мы узнаем в записках Джона Перри, одного из капитанов, нанятых Петром во время поездки на Запад. Оказывается, дело было не в мнимом заговоре бояр: конфликт имел финансовый характер. Одиннадцатого сентября 1698 г. царь подписал указ о роспуске московских стрельческих полков: царь не доверял стрельцам – в его мнении они были «только пакасники, а не воины» [Богословский, 2007. С. 187]. Произошедшая в Европе военная революция требовала создать новую, вооруженную фузеями и обученную линейному строю массовую «регулярную» армию. Но для этого

требовались деньги: солдаты обходились дороже стрельцов. Царь задумал повысить вдвое налоги с городов – а взамен предлагал посадским людям ввести городское самоуправление по типу голландского. При этом воеводы (по большей части бояре) лишались не только власти, но и сопряженных с ней официальных и неофициальных доходов. «Но когда в торжественном собрании Господ (т. е. в Боярской думе. – С. Н.) царь сделал им это полезное предложение, – свидетельствует Перри, – то оно вызвало борьбу в среде дворян, так как отсекало значительную отрасль их власти... Убедившись, что борьба ни к чему не приведет, и что под конец царь начал уже сердиться на них, они начали бояться, что несколько голов будет отрублено для примера заслушание, и принуждены были покориться» [1871. С. 134]. Корб рассказывает, что 1–2 января 1699 г. Петр вызвал бояр в Преображенское, но даже здесь, посреди военного лагеря, они осмелились перечить царю, и в итоге один из спорщиков был высечен [1906. С. 107–108]. В конечном счете указ о местном самоуправлении был подписан 30 января 1699 г. как царский именной указ, без упоминания о «боярском приговоре» [ПСЗ-I, 1830. Т. 3. С. 598].

Нужно учесть обстановку этой борьбы царя и Боярской думы: в эти месяцы постоянно появлялись слухи о новых стрельцких мятежах в Белгороде, в Азове, в других местах, в Москве каждый день совершались казни стрельцов, и царь иной раз открыто угрожал боярам [Корб, 1906. С. 100, 140, 143]. Датский резидент Г. Грунд писал, что эти казни вселили ужас в бояр, что царь «навел этим страх на своих подданных, которые с тех пор должны были склоняться перед ним и с величайшей покорностью выполнять его приказы» [1992. С. 126]. Во время похорон Лефорта бояре прошли вперед иностранных послов, и царь сказал послам: «Это – собаки, а не бояре мои», а потом обратился к боярам со словами: «Неужели вы радуетесь его смерти?» [Там же. С. 137, 138]. Шестого января во время праздника Водосвятия Петр устроил настоящую демонстрацию военной силы: он вывел к Москве-реке одетые в новую немецкую форму Преображенский и Семеновский полки и с протазаном в руках стоял в рядах своих «янычар», наблюдая, как бояре идут к «иордани». По обычаю, царь должен

был участвовать в шествии, и патриарх должен был окропить его святой водой из проруби – теперь все обычаи были забыты [Желябужский, 1997. С. 311].

Январь 1699 г. был решающим периодом противостояния царя и Боярской думы. В итоге Дума была сломлена и практически исчезла со страниц исторических документов. «Приговоры этого учреждения, прежде всем руководившего... делаются мало заметным, редким явлением; на место боярских приговоров в актах становятся именные указы и высочайшие резолюции», – констатирует В. О. Ключевский [1882. С. 447]. «Самое главное, – свидетельствует Гваринт, – заключается в том, что царь с каждым днем все больше и больше убеждается в том, что во всей империи не найдется ни одного из его родственников по крови и никого из бояр, которым можно было бы доверить важное дело, поэтому он вынужден возложить тяжкое бремя империи на себя и отстранить от дел бояр (которых он называет неверными собаками), чтобы поновому и иначе взяться за управление» [Бушкович, 2008. С. 213].

Наиболее яркое описание произошедшего переворота дал прусский посол И. Г. Фоккеродт: «С этой (стрелецкой. – С. Н.) казни... Петр пользовался *самой полной самодержавной властью* в духовных и светских делах... и подлинно заставил своих дворян почувствовать иго рабства: совсем отменил все родовые отличия, присуждал к самым позорным наказаниям, вешал на общенародных виселицах самих князей царского рода... всех без исключения дворян принуждал к военной службе под страхом жестокого наказания, не давал значения ни какой другой чести или преимуществам, кроме таких, какие присваивал каждому чин его, приобретенный службой...» [2000. С. 33–34]. «Он отнял у всех дворян от высшего, до низшего, самую малейшую тень их старых преимуществ, – уточняет Фоккеродт, – и отменил старинный образец, по которому в законах и указах упоминалось о согласии бояр» [Там же. С. 32].

В этом свидетельстве Фоккеродта речь идет о старинной формуле: «Великий государь указал и бояре приговорили», которая обычно сопровождала важнейшие указы. Такие указы изредка появлялись и после 1698 г., но, по-видимому, Ближняя канцелярия вставляла эту формулу по традиции,

уже не созывая Думу [Бушкович, 2008. С. 216]. Во всяком случае, прусский посол верно уловил смысл перемен: царь перестал советоваться с боярами. Это особенно проявилось в общении Петра I с иностранными послами: царь стал вести дипломатические переговоры один, не соблюдая официальных церемоний и сохраняя результаты переговоров в тайне от высших сановников [Павленко, 2010. С. 127].

Разрыв царя с Думой сопровождался окончательным разрывом царя с патриархом Адрианом. Еще незадолго до отправления Великого посольства царь называл патриарха Государем и оказывал ему знаки почтения. Но по возвращении Петра, когда начались стрелецкие казни, патриарх осмелился прийти в застенок с иконой и умолять царя смягчить свой гнев. Это противодействие вызвало крайнее раздражение Петра, он запретил без своего разрешения создавать новые монастыри, отменил торжественное шествие патриарха на пасху, а также обычай целования царя с патриархом на Новый год. На праздновании Нового года (которое было перенесено на 1 января) патриарх по обычаю должен был благословить царя, но Адриан сказался больным и Петр остался без благословения. В 1700 г. Адриан умер, и Петр стал управлять церковью – так же как всем государством – с помощью именных указов [Адриан, 1848].

Итак, Петр I отстранил от власти Боярскую думу, взял все управление на себя и стал абсолютным, неограниченным монархом. Это был *государственный переворот*. Или «революция сверху» – как называют такие абсолютистские перевороты скандинавские историки [A Revolution..., 2000]. Самое удивительное, что этот переворот до последнего времени не был замечен историками. Е. В. Анисимов вскользь отмечает, что «по мере установления самодержавия Боярская дума... утрачивала свое значение» [1989. С. 151]; Н. И. Павленко пишет об «эволюции политической системы страны в сторону абсолютизма» [2010. С. 107]; Г. В. Талина отмечает, что «в середине XVII в. самодержавная Россия вступала в пору развития абсолютизма» [2010. С. 143] – во всех случаях имеется в виду эволюционное развитие, которое продолжало тенденции XVII в. Лишь Пол Бушкович, нашедший в венских архивах донесения Гвариента, утверждает, что «в 1699 г. Петр стал пра-

вить Россией совершенно по-новому...» [2008. С. 216]. При этом Бушкович добавляет, что Н. Г. Устрялов в своей публикации этих донесений изъясил места, где говорится о конфликте царя с боярами [Там же. С. 208]. Эти вновь открытые американским исследователем документы позволили ему говорить о резких и радикальных переменах – но даже он не называет эти перемены революцией или переворотом. Почему? Бушкович пишет, что он не может ответить на вопрос, являлась ли Дума ограничителем царской власти, поскольку «в России отсутствовала научно-правовая традиция» [Там же. С. 34]. Другими словами, при отсутствии четкой правовой фиксации прерогатив различных властей нельзя сказать, что одна из сторон нарушает эти прерогативы; нельзя сказать, что Петр совершил переворот, потому что в России не существовало конституции. Это не совсем так. Во-первых, в России существовал основной закон – Уложение 1649 г., и в цитированной выше статье Уложения ясно написано, что царь должен править вместе с Думой. А во-вторых, критерии современного «правового общества» неприменимы к реальностям XVII в., когда традиция играла большую роль, нежели писаное право. И согласно этой традиции, царь должен был править вместе с Думой. Таким образом, лишив Думу ее властных полномочий, Петр I произвел государственный переворот.

Как согласуются эти события с теорией военной революции? Как отмечалось выше, теория говорит, что создание новой армии требует больших затрат; в этой обстановке монархи пытаются ввести новые налоги и заставляют аристократию поступиться частью своих доходов. Это приводит к конфликту между аристократией и монархом, который решается с помощью военной силы, т. е. с помощью новой армии. В аналогичной ситуации в Бранденбурге «Великий курфюрст» поначалу пытался добиться введения налогов через ландтаг, но после нескольких компромиссов перестал созывать сословия и начал собирать налоги с помощью своих солдат. В Дании под впечатлением военного поражения низшие сословия заключили союз с королем, отняли власть у аристократического риксрода и передали неограниченные полномочия королю. То же самое произошло и в Швеции. В двух последних случаях королевская гвардия стояла как бы на заднем плане, заставляя аристо-

кратию смириться одним лишь своим присутствием. Нечто подобное произошло и в России. В соответствии с теорией, создание новой армии вызвало финансовый кризис, и Петр попытался получить деньги от горожан, вместе с тем лишив аристократию части ее власти и доходов. Сопротивление Боярской думы привело к конфликту, который Петр разрешил с помощью своих преобразенцев. Ему потребовалось лишь продемонстрировать силу и приказать публично высечь одного из бояр. После этого Боярская дума утратила свои властные полномочия – ее судьба была такой же, как судьба риксрода в Дании и Швеции.

Однако по сравнению с датской и шведской «революциями сверху» российские события имели определенную специфику. Петр сумел обойтись без созыва «рикстага» – т. е. Земского собора, и не пытался противопоставить Боярской думе низшие сословия. Он разрешил конфликт с помощью военной силы – так, как это, в конце концов, сделал «Великий курфюрст». Таким образом, мы наблюдаем некий «промежуточный вариант»; исторический процесс в России следовал закономерностям «военной революции», но не повторял в точности того, что происходило в других странах.

Список литературы и источников

- Аврех А. Я.* Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР. 1968. № 2. С. 82–104.
- Адриан* // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1848. № 8. С. 30–34.
- Анисимов Е. В.* Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
- Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Базилевич К. В., Богоявленский С. К., Чаев Н. С.* Царская власть и Боярская дума // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 344–360.
- Богословский М. М.* Петр I. Материалы к биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т. 4. 544 с.
- Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 541 с.
- Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 годах / Пер., статья и коммент. Ю. Н. Беспятых. М.; СПб.: Изд-во РАН, 1992. 249 с.
- Желябужский И. А.* Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 259–358.
- История России XVIII–XIX веков* / Под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2010. 784 с.
- История России с древнейших времен до конца XVII века* / Под ред. Л. В. Милова. М.: Эксмо, 2009. 766 с.
- Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. М.: Тип. б. Миллера, 1882. 554 с.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. Т. 3. 408 с.; Т. 4. 388 с.
- Корб И. Г.* Дневник путешествия в Россию (1698 и 1699 гг.). СПб.: А. С. Суворин, 1906. 322 с.
- Козляков В. Н.* Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. 336 с.
- Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Изд. Археогр. комиссии, 1859. 168 с.
- Маньков А. Г.* Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 269 с.
- Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998. 214 с.
- Медушевский А. Н.* Происхождение абсолютизма в России. М.: Текст, 1994. 318 с.
- О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева.* М.: Наука, 1983. 176 с.
- Павленко Н. И.* Петр Великий. М.: Мир энциклопедий Аванта+ Астрель, 2010. 829 с.
- Павлова-Сильванская М. П.* К вопросу об особенностях абсолютизма в России // История СССР. 1968. № 4. С. 71–92.
- Павлов-Сильванский Н. П.* Феодализм в древней Руси. М.; Пг.: Прибой, 1924. 160 с.
- Перри Д.* Другое и более подробное повествование о России // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. 1871. № 2. С. 123–151.
- ПСЗ-1 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е.* СПб.: Тип. II Отд. собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 3. 690 с.; Т. 6. 815 с.
- Седов П. В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 603 с.
- Смирнов П. П.* Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Таш-

кент: Изд-во Ср.-Азиатск. гос. ун-та, 1929. 86 с.

Талина Г. В. Выбор пути: русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII в. М.: Русский мир, 2010. 448 с.

Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М.: Наука, 1974. 335 с.

Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 9–104.

Хенишелл Н. Миф абсолютизма: перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 271 с.

Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.

Эренмальм Л. Ю. Описание города Петербурга вкупе с несколькими замечаниями // Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 91–101.

A Revolution from above? The Power State of 16th and 17th Century Scandinavia / Ed. by

L. Jespersen. Odense: Odense Univ. Press, 2000. 383 p.

Brewer J. The Sinews of Power: War, Money, and the English State, 1688–1783. N. Y.: Knopf, 1989. 289 p.

Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992. 308 p.

Dunning Ch., Smith N. Moving beyond Absolutism: was early Modern Russia a «Fiscal-Military» State? // Russian History / Histoire Russe. 2006. Vol. 33. No. 1. P. 19–43.

Ostrowski D. The Façade of Legitimacy: Exchange of Power and Authority in Early Modern Russia // Comparative Studies in Society and History. 2002. Vol. 44. No. 3. P. 534–563.

Roberts M. Essays in Swedish History. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1967. 358 p.

White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford: Clarendon Press, 1962. 194 p.

Материал поступил в редколлегию 30.05.2014

S. A. Nefedov

PETER I AND THE ORIGIN OF RUSSIAN ABSOLUTISM

The origin of Russian absolutism is the debatable problem of Russian history. Previously, most historians believe that absolutism gradually developed in the XVII century, but recent studies have shown the failure of the traditional view. There are also differences in the question about the reasons for the final victory of absolutism under Peter I. The author sees the solution to the problem in using the theory of military revolution. According to this theory, the appearance of the regular army changes the balance of power between the monarchy and the aristocracy. Creating regular army requires considerable financial resources and the monarchy seeks to take away part of the funds from the aristocracy. This leads to conflict, which is permitted by the «revolution from above» and coups. Peter I made such absolutist revolution in 1698.

Keywords: early modern time, military revolution, absolutism, Peter I, the Boyar Duma, a coup.